

Реверсов Иван Петрович

Защитники христианства

Апологеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Петрович Р.**
Защитники христианства: Апологеты / Реверсов Иван Петрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 222 с.

ISBN 978-5-519-80416-5

ISBN 978-5-519-80416-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сеевъ. Іудеи очень дорожили этимъ закономъ, считая его имѣющимъ такое же вѣчное существованіе, какъ само іудейство, и единственнымъ средствомъ для спасенія. Приверженность къ нему была настолько сильна, что даже обратившіеся въ христіанство іудеи, люди, значить, нѣсколько отрѣшившіеся отъ узости іудейскихъ понятій, и тѣ очень часто настаивали на необходимости его соблюденія не только для природныхъ іудеевъ, но и для обратившихся язычниковъ *). Если же такъ смотрѣли на законъ Моисеевъ іудеи, обратившіеся въ христіанство, то оставшіеся въ іудействѣ еще болѣе цѣнили его, еще фанатичнѣе настаивали на его вѣчномъ существованіи и значеніи. Между тѣмъ христіанство объявляло, что законъ Моисеевъ съ пришествіемъ Спасителя потерялъ свое значеніе, что, слѣдовательно, іудейство кончило свою историческую роль и должно уступить свое мѣсто христіанской религіи. Это послѣднее обстоятельство всего болѣе вооружало іудеевъ противъ христіанства, такъ что они сдѣлались самыми первыми и самыми ожесточенными врагами христіанъ. Раньше другихъ ихъ ненависть навлекли на себя апостолы, какъ ревностные и неустрашимые проповѣдники слова Божія, которые открыто учили о Божествѣ Иисуса Христа и Его воскресеніи изъ мертвыхъ и этою своею проповѣдью, а равно и многочисленными чудесами обращали въ христіанство народъ, иногда цѣлыми массами. Весьма понятно, что и проповѣдь, прямо или косвенно обличавшая убійцу Спасителя, и результаты этой проповѣди были ненавистны фанатичнымъ іудеямъ. Поэтому они прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы заставить апостоловъ не разглашать своего ученія. Они неодно-

*) Пререканія по этому вопросу приняли такой острый характеръ, что грозили поколебать внутренній миръ въ церкви; поэтому въ Іерусалимѣ состоялся апостольскій соборъ, на которомъ было постановлено, что исполненіе Моисеева закона не обязательно для обращавшихся язычниковъ (Дѣян. 15 гл.).

кратно запрещали имъ проповѣдывать о распятомъ Иисусѣ, а когда простыя запрещенія не дѣйствовали, то сажали ихъ въ темницу (Дѣян. IV, 3; V, 18), подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ (V, 40) и даже нѣсколько разъ собирались умертвить (V, 33; IX, 23—24), но апостолы чудесно или случайно всякій разъ избавлялись отъ угрожавшей имъ опасности. Подобно апостоламъ подвергались преслѣдованію и прочіе вѣрующіе. Однажды гоненіе на нихъ приняло такой опасный характеръ, что они, спасая свою жизнь, разсѣялись изъ Іерусалима по разнымъ мѣстамъ Іудеи и Самаріи (VIII, 1). Будущій апостолъ Павелъ, тогда еще Савлъ, „дышалъ угрозами и убійствами на учениковъ Господа“ (IX, 1); „терзалъ Церковь, входя въ дома и, влача мужчинъ и женщинъ, отдавалъ въ темницу“ (VIII, 3). Въ исторіи апостольскаго вѣка были даже случаи, когда іудеи въ порывѣ фанатической ненависти къ христіанамъ предавали мученической смерти послѣдователей Христа. Такъ, были побиты камнями архидіаконъ Стефанъ (VII, 58—59) и первый іерусалимскій епископъ Іаковъ Праведный (Церк. Истор. Евсевій, кн. II, гл. 23). Ненависть іудеевъ къ христіанамъ была такъ очевидна и общеизвѣстна, что царь Иродъ въ угоду имъ казнилъ Іакова, брата Господня (Дѣян. XII, 2). Въ вѣкъ мужей апостольскихъ, если вѣрить преданію, былъ замученъ кипрскими іудеями апостольскій мужъ Варнава, одинъ изъ главныхъ спутниковъ и сотрудниковъ апостола Павла. Но Богъ хранилъ свою церковь. Особенно большого вреда христіанству іудеи причинить не могли, потому что они сами были люди подзависимые, подпавши еще до Р. Хр. подъ власть римлянъ. Съ 70 года по Р. Хр., послѣ іудейскаго возстанія, права іудеевъ были еще болѣе ограничены римскою властью и они сдѣлались еще безсильнѣе. Убіиства христіанъ были противозаконны; за нихъ іудеи могли подлежать отвѣтственности, а потому такія убійства были рѣдки. Лишенные возможности самостоятельно преслѣдовать и

притѣснять христіанъ, іудеи въ безсильной злобѣ прибѣгали къ постыдному средству—къ клеветѣ и подстрекательству римскихъ властей и народа. По свидѣтельству св. Іустина философа, іудеи „послали избранныхъ людей изъ Іерусалима во всю землю разглашать, будто явилась безбожная ересь христіанская, и распространять клеветы противъ христіанъ, которыя обыкновенно повторяютъ всѣ незнающіе христіанства“ (Разгов. съ Триф. іуд., гл. 17, ср. гл. 108). Наконецъ, настало время, когда и это оказалось бесполезнымъ, такъ какъ само язычество, и помимо іудейскихъ подстрекательствъ, обратило вниманіе на христіанство и возненавидѣло его.

Язычество, обладавшее всѣми матеріальными средствами, чтобы причинить христіанству громадный вредъ, было поэтому для него врагомъ болѣе опаснымъ, чѣмъ іудейство, но по дѣйствию Промысла Божія, язычники обратили вниманіе на христіанство уже тогда, когда количество христіанъ значительно возросло, когда христіанство сравнительно окрѣпло для борьбы съ страшнымъ врагомъ.

Въ средѣ язычниковъ на христіанъ прежде всего обратили вниманіе люди, интересы которыхъ ближайшимъ образомъ страдали отъ распространенія христіанства, каковы всѣ тѣ, кому язычество давало хлѣбъ насущный, — дѣлатели идоловъ, архитекторы храмовъ, скульпторы, живописцы, поставщики жертвъ, гадатели и особенно, конечно, жрецы. Съ распространеніемъ христіанства уменьшался спросъ на ихъ знанія и произведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался и ихъ заработокъ, и потому они естественно должны были возненавидѣть христіанство, которое наносило имъ матеріальный ущербъ, затрогивало, такимъ образомъ, ихъ самое чувствительное мѣсто. Питая къ нему злобу, они, подобно іудеямъ, стали подстрекать противъ христіанъ народъ, результатомъ чего были нерѣдкія преслѣдованія христіанъ. По сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ, первое врагъ

дебное волненіе народа противъ христіанъ возбудилъ въ Ефесѣ серебряныхъ дѣлъ мастеръ, Димитрій, дѣлавшій маленькіе серебряные храмы Артемиды (XIX, 24—40). Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ замѣтнѣе уменьшалось количество идолопоклонниковъ, тѣмъ болѣе люди заинтересованные въ этомъ, ненавидѣли христіанъ и искали случаевъ отомстить имъ за свои потери.

Далѣе, христіанство стали замѣчать и люди, которымъ оно, если и не наносило ни убытковъ, ни какого-нибудь другого вещественнаго вреда, то во всякомъ случаѣ казалось страннымъ, иногда достойнымъ только презрѣнія, а въ другихъ случаяхъ—порицанія и ненависти. Со стороны внѣшней, по соціальному положенію членовъ христіанской церкви, оно казалось презрѣннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, христіанство, — общавшееся за униженія и бѣдствія въ настоящей жизни утѣшеніе въ будущей, учившее о равенствѣ передъ Богомъ всѣхъ людей, независимо ни отъ ихъ богатства, ни отъ знатности происхожденія, проповѣдывавшее, что въ царствѣ Божіемъ нѣтъ различія между рабомъ и свободнымъ,—скорѣе всего прививалось среди людей забитыхъ и обездоленныхъ, для которыхъ настоящая жизнь представляла одну только тяготу и муку и не давала никакой утѣхи. Таковыми были попреимуществу мелкіе труженники, едва добывавшіе средства къ пропитанію, и особенно рабы, люди совершенно безправные, находившіеся въ полной зависимости отъ произвола и даже каприза своихъ господъ. На такихъ людей богатый и знатный язычникъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на жалкіе отбросы общества, часто не признавая за ними и человѣческаго достоинства. Принадлежность ихъ къ христіанству давала ему поводъ думать, что и сама религія ихъ невысокаго достоинства, если ее исповѣдуютъ такіе люди. Цецилій въ „Октавіѣ“ Минуція Феликса называетъ ихъ людьми „жалкой, презрѣнной секты“ которые набираютъ въ свое нечестивое общество по-

слѣдователей изъ самой грязи народной, изъ легко-
вѣрныхъ женщинъ, заблуждающихся по легкомыслію
своего пола“ (гл. 8). Цельсь издѣвается надъ тѣмъ, что
„разные шерстяники, сапожники, кожевники, самые
необразованные, самые низкіе люди были самыми рев-
ностными распространителями христіанства и проповѣ-
дывали его прежде всего среди женщинъ и дѣтей“
(Ориг. прот. Цельс. III, гл. 55). Кромѣ того, первые про-
повѣдники христіанства вышли изъ Іудеи, ихъ даже
считали іудейскими сектантами, а это также не благо-
пріятствовало христіанству, потому что іудеи не поль-
зовались уваженіемъ среди язычниковъ за то, что сами
съ высока, какъ народъ избранный Богомъ, смотрѣли
на язычество и по возможности отстранялись отъ него:
не покупали у язычниковъ хлѣба, масла, вина и дру-
гихъ предметовъ, не принимали ихъ въ свидѣтели и т. д.

Если социальное положеніе христіанскаго общества
вызывало въ язычникахъ только презрительное отноше-
ніе къ нему, то жизнь и ученіе христіанъ, непонятныя
язычниками, не проникавшими въ ихъ сокровенную сущ-
ность, а судившими о нихъ только по-наслышкѣ, воз-
буждали въ язычникахъ недобрыя чувства. Такъ, напр.,
язычники не понимали значенія тайныхъ собраній хри-
стіанъ гдѣ-нибудь въ катакомбахъ или вообще въ ка-
кихъ-либо потаенныхъ мѣстахъ и, на основаніи распу-
скавшихся недоброжелателями христіанства слуховъ,
истолковывали ихъ въ дурную сторону. Не желая по-
нять, что скрытность христіанъ была вынужденною, чтобы
обезопасить свои молитвенныя собранія отъ грубаго
вторженія въ нихъ язычниковъ, они думали, что тайн-
ственность этихъ собраній служить покровомъ пороковъ
или преступленій христіанъ — разврата, дѣтоубійства
и т. д. Въ настоящемъ случаѣ молва имѣла за себя
какъ бы нѣкоторое вѣроятіе, такъ какъ сами христіане
говорили о вечерахъ любви (агапахъ), о закланіи агнца,
о вкушеніи плоти и крови, а изъ непонятыхъ фразъ со-

здавались цѣлыя легенды о безнравственности и преступности христіанъ. Кромѣ того, были христіанскія секты, напр., николаитовъ, карпократіанъ и др., въ которыхъ развратъ узаконялся, какъ одно изъ средствъ умерщвленія плоти, а отличить хорошихъ христіанъ отъ худыхъ язычники не умѣли, да и не давали себѣ этого труда, обвиняя всѣхъ христіанъ безъ разбора. Въ другую же сторону, какъ новое доказательство нравственной распущенности христіанъ истолковывалась язычниками любовь христіанъ другъ къ другу, ихъ названіе другъ друга братьями и сестрами, ихъ братскіе поцѣлуи.

Что касается христіанскаго вѣроученія, то оно казалось язычникамъ то страннымъ, то отталкивающимъ, то прямо ненавистнымъ, какъ отклоненіе отъ узаконенныхъ нормъ. Страннымъ казалось язычникамъ, что христіане считаютъ Бога существомъ исключительно духовнымъ и, поклоняясь Ему, не имѣютъ ни храмовъ, ни изображеній божества, ни жертвъ, тогда какъ греко-римское язычество представляло себѣ боговъ челоѡкообразными существами (антропоморфизмъ) и поклоненіе имъ считало возможнымъ только подъ видимыми образами (подъ видомъ идоловъ), жертвы считало необходимою принадлежностью богослуженія, а свое благочестіе поставляло въ построеніи многихъ и великолѣпныхъ храмовъ. Язычникъ Цецилій, напр., говоритъ: „почему они (христіане) не имѣютъ никакихъ храмовъ, никакихъ жертвенниковъ, ни общепринятыхъ изображеній?“ (Октавій гл. X)? Еще хуже принималось язычниками ученіе о Божествѣ Іисуса Христа. Язычники ставили христіанамъ въ упрекъ, что они считаютъ за Бога челоѡка, преданнаго позорной, рабской казни на крестѣ. Не понимая спасительнаго значенія крестныхъ страданій и смерти Іисуса Христа, язычники видѣли въ нихъ только наказаніе за какіе-нибудь проступки. По ихъ воззрѣнію, Христосъ былъ или злодѣй, или, вѣрнѣе, бунтовщикъ, подобно многимъ другимъ, какіе являлись въ Іудеѣ

послѣ покоренія ея римлянами, и власти наказали Его самую позорною казнью для устрашенія другихъ и для водворенія общественнаго спокойствія. На этотъ счетъ также составлялись легенды. По словамъ Иерокла, Иисусъ Христосъ, выгнанный изъ Іудеи, набралъ себѣ шайку въ 900 человѣкъ и занимался разбоями (Лактанц. Божеств. наставленія, кн. V, гл. 3). Отталкивающее впечатлѣніе на язычниковъ производило и то, что христіане почитаютъ орудіе позорной казни—крестъ. Это убѣждало ихъ, что культъ христіанъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ почитанію за Бога человѣка—злодѣя. „Значить, говорить Цецилій, они имѣютъ алтари, приличные злодѣямъ и разбойникамъ, и почитаютъ то, чего сами заслуживаютъ“ (Октав. гл. 9). Циничная молва добавляла, далѣе, что они поклоняются и головѣ осла, и еще худшимъ предметамъ...

Какъ ни странной и даже отталкивающей казалась язычникамъ религія христіанъ и предметы ихъ поклоненія, однако язычники еще могли бы такъ или иначе примириться съ ними, такъ какъ и въ языческихъ религіяхъ было много непригляднаго, но было одно обстоятельство, которое неизбѣжно заставляло язычниковъ враждебно относиться къ христіанству. Хотя сами язычники въ данное время и не всѣ и не всегда искренно вѣровали въ своихъ боговъ и благоговѣнно чтили ихъ, однако же они по крайней мѣрѣ официально считали своимъ долгомъ признавать боговъ и соблюдать внѣшнія формы богопочтенія. Для римскихъ язычниковъ въ частности это имѣло очень важное значеніе, такъ какъ ихъ религія была тѣсно связана съ государствомъ и процвѣтаніе послѣдняго ставилось въ прямую зависимость отъ существованія и непоколебимости первой. Вслѣдствіе этого христіане, отрицавшіе языческихъ боговъ, какъ ложныхъ, удалявшіеся отъ служенія имъ и не принимавшіе участія въ торжественныхъ празднествахъ въ честь ихъ, этимъ самымъ одновременно ос-

корбляли и религіозное, и національное чувство римлянъ: казались вредными безбожниками, такъ какъ христіанскаго Бога язычники не считали за Бога, казались врагами націи, какъ не входящіе въ ея интересы. Кромѣ того, у римлянъ существовало, вѣками составившееся, суевѣрное убѣжденіе, что непочитаніе ихъ боговъ влечетъ за собою божеское наказаніе въ видѣ различныхъ государственныхъ и общественныхъ несчастій. Въ первые вѣка христіанства такихъ несчастій дѣйствительно было много въ римской имперіи, и язычники естественно считали виновниками ихъ христіанъ, оскорблявшихъ боговъ своимъ непочтеніемъ къ нимъ. На этой почвѣ главнымъ образомъ создавалась особенно упорная и ожесточенная ненависть къ христіанамъ. Поэтому иногда достаточно было одного умѣлаго подстрекательства, особенно со стороны ловкихъ жрецовъ, въ моментъ какого-нибудь возбужденія страстей, чтобы глухая вражда къ христіанамъ прорвалась въ стремленіи ихъ уничтожить, въ требованіе ихъ казни. „Долой безбожниковъ“, „долой христіанъ!“ „Христіанъ — лвамъ, христіанъ на огонь!“ кричала иступленная толпа во время народныхъ празднествъ, среди представленій цирка, или же по поводу общественныхъ несчастій. Бывали случаи, когда власти уступали требованіямъ толпы, а иногда она и собственно-ручно расправлялась съ ненавистными ей христіанами. По свидѣтельству Тертулліана, толпа не щадила даже труповъ христіанъ, вырывая ихъ и коцунствуя надъ ними. Впрочемъ, до II-го вѣка нашей эры случаи казни христіанъ по одному требованію толпы были немногочисленны. И здравый смыслъ, и уваженіе къ закону заставляли римскихъ правителей чаще отклонять, чѣмъ исполнять желаніе народа. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока на христіанъ не обратило должнаго вниманія римское правительство и пока христіанство не было подведено подъ дѣйствіе старыхъ и новыхъ, враждебныхъ для него, законовъ.

Съ начала втораго вѣка по Р. Х. положеніе христіанства значительно измѣнилось къ худшему, такъ какъ къ прежнимъ врагамъ его присоединился новый и при томъ самый опасный. До этого времени римское правительство не обращало вниманія на христіанство, какъ незначительную іудейскую секту, которая по своей ничтожности и съ количественной, и съ качественной стороны не могла вызывать иного къ себѣ отношенія, кромѣ презрительнаго, и во всякомъ случаѣ не могла казаться опасной для такихъ прочно установившихся институтовъ, какъ римское государство и его государственная религія. Кромѣ того, къ счастью для христіанства, въ первый періодъ распространенія его въ римской имперіи, престолъ занимали худые императоры, которые, занятые своими вѣчными дѣлами больше, чѣмъ государственными, и не могли обратить должнаго вниманія на христіанство и понять его значеніе. Къ концу перваго вѣка обстоятельства измѣнились. Христіанство дѣлало слишкомъ быстрые успѣхи, проникая во всѣ слои общества, не исключая и высшихъ. Христіанское общество насчитывало своихъ членовъ тысячами даже въ самомъ Римѣ, не говоря уже о другихъ городахъ имперіи. На ряду съ этимъ мы видимъ на римскомъ престолѣ лучшихъ императоровъ, которые вникали во всѣ государственныя нужды, стремились усилить государство и съ внѣшней, и съ внутренней стороны и придать ему блескъ цвѣтущаго періода республики. Такіе императоры не могли не обратить вниманія на необычайные успѣхи христіанской проповѣди и умноженія христіанъ. Они должны были убѣдиться, что христіанство—далеко не простая и не безопасная для государства іудейская секта. Изъ многочисленныхъ случаевъ столкновенія язычниковъ съ христіанами мало-по-малу выяснялся универсальный характеръ христіанства, который долженъ былъ убѣждать правительство, что христіанство грозитъ подорвать отечественную религію и тѣсно связанный съ нею государ-

ственный строй. Имѣя всѣ основанія дорожить какъ той, такъ и другимъ и даже прилагая всѣ старанія на усиленіе ихъ, правительство понимало, что теперь нельзя, какъ прежде, оставлять безъ вниманія христіанство, и обходиться безъ опредѣленныхъ къ нему отношеній, несомнѣнно, враждебныхъ. Поэтому правительство или поставило христіанъ подѣ дѣйствіе существующихъ законовъ, неблагопріятныхъ для христіанства, или же издало новые, специально направленные противъ него.

Прежде всего, съ римской точки зрѣнія, христіанство, какъ не санкціонированное римскимъ закономъ, было религіей недозволенной (*religio illicita*), не имѣющей, значитъ, права на существованіе. Правда, Римъ отличался широкою вѣротерпимостью ко всѣмъ религіямъ, дозволяя всѣмъ подвластнымъ ему народамъ свободно отправлять установившіеся у нихъ культы, какимъ-бы характеромъ они не отличались, даже такимъ дикимъ и иступленнымъ, какъ служеніе Бахусу и Цибелѣ, и такимъ мрачнымъ, какъ культъ персидскаго Митры. Отправлять эти культы позволялось и въ самомъ Римѣ. По словамъ Діонисія Галикарнасскаго, „люди, принадлежавшіе къ тысячѣ народностей, приходятъ въ городъ, т. е. Римъ, и воздають здѣсь поклоненіе отечественнымъ богамъ по своимъ иноземнымъ законамъ“. Даже іудейство не составляло исключенія въ ряду другихъ религій. Іудеи пользовались правомъ поклоняться своему Богу вездѣ, въ томъ числѣ и въ Римѣ. Государство только обязывало чужеземцевъ уважительно относиться къ римскому культу, не навязывать своихъ религіозныхъ убѣжденій римскимъ гражданамъ, справлять свои обряды скромно, безъ публичнаго оказательства, гдѣ-нибудь на окраинахъ Рима. Терпимость римлянъ шла еще дальше. Государство само принимало чужеземные культы. Въ римскій пантеонъ постепенно, одинъ за другимъ, были приняты боги всѣхъ странъ и народовъ, подчиненныхъ Риму, и кореннымъ римлянамъ не возбра-